

Накануне, когда Дазай Осаму потянул его в укромный уголок, Накахара Чуя не без раздражения стряхнул его руку со своего плеча. Но стоило ему услышать слова о побочном эффекте второй способности, как он тут же насторожился, вскинул голову и тревожно огляделся по сторонам.

Он уловил лишь обрывки фраз о последствиях, дальше голос звучал всё тише, пока не умолк совсем. Чуя потёр зудящее ухо и, понизив голос, пристально посмотрел на Дазая:

— О каких именно последствиях речь? Твой организм начал давать сбой?

Хотя он и не знал, какие эксперименты способны наделить человека двумя диаметрально противоположными способностями, было очевидно, что это наносит колоссальный вред здоровью. И раз уж Дазай решил обсудить это с ним, значит, ситуация действительно серьёзная. В кобальтовых глазах Чуи промелькнула тень беспокойства.

— Тебе нужно показаться врачу?

Столкнувшись с таким вопросом и серьёзным выражением лица Чуи, Цушима Шуджи на мгновение опешил. Разве он не собирался рассказать об обратной стороне своей способности? Как же разговор свернул на визит к врачу?

Цушима Шуджи, которого Чуя всё ещё тянул за собой, пребывал в полном замешательстве.

— Дазай, тебе не кажется, что Чуя что-то не так понял?

Дазай Осаму, который в глубине души мгновенно раскусил ход мыслей Накахары, долго и надрывно кашлял. Он чувствовал, что поступает не совсем честно — всё-таки полгода скрывать такое, ну...

Получив ответ от Дазая, Цушима Шуджи дёрнул Чую за рукав, и они наконец остановились в глубине переулка. Там Чуя наконец услышал правду о побочном эффекте второй способности Дазая. Хрупкая стена здания приняла на себя удар его эмоций и, казалось, вот-вот готова была рассыпаться в прах.

— Эй, ты ведь не тот самый Дазай, верно?

Стоило ему закончить признание, как Чуя тут же разоблачил его. Цушима Шуджи замер, а Дазай Осаму мгновенно вернул себе контроль:

— Коротышка, ты что, сомневаешься во мне?

— Ах ты, паршивый Дазай! Ты что, мой интеллект за ничто считаешь?

Чуя, мечта искры из глаз, уставился на расплывшегося в ухмылке Дазая. В конце концов, именно из-за этого типа он уже решил, что через пару дней запишется на приём в одну

известную клинику.

— О, Чуя, — Дазай приподнял бровь и, поглаживая подбородок, притворно задумался, — а у тебя, оказывается, есть интеллект?

Чуя, которому этот человек был до крайности неприятен, вспомнил, как тот когда-то насильно заставил его плакать, и с яростным рыком провёл подсечку, отчего Дазай повалился на землю.

— Слушай ты, меня от тебя просто воротит. Эй, давай, выпускай свою вторую личность.

Цушима Шуджи опустил голову, потирая ушибленную при падении ногу. Он подумал, что теперь понятно, почему Дазай всегда забинтован с ног до головы. Оказавшись в тени возвышающегося над ним Чуи, он с трудом поднял взгляд:

— Вторая личность?

Чуя, внезапно почувствовав, что этот Дазай ему даже симпатичен, ослабил свой агрессивный напор и с досадой поправил шляпу:

— Ты что, сам не знаешь, что ты — его вторая личность? Неужели...

Он вспомнил психологическую книгу, найденную в детстве на базе: там говорилось, что основная личность часто не догадывается о существовании второй. Неужели этот парень — основной, а Дазай — лишь его вторая сторона?

Дазай Осаму, который понятия не имел, что его напарник уже выстроил целую теорию в своей голове, в это время был занят тем, что с интересом читал в своём внутреннем мире последнее произведение Цушимы Шуджи. Если вы спросите, почему он не следит за диалогом Чуи и Шуджи, то Дазай ответит: даже пяткой можно догадаться, что это очередной разговор, пропущенный через фильтр глубоких заблуждений.

Новый псевдоним — Фейерверк, и первая работа называется так же — Фейерверк. Название, которое одновременно и печалит, и согревает.

Парень и девушка, живущие в эпоху войны, встречаются на празднике фейерверков, узнают друг друга в лавке пиротехники, влюбляются под грохот пушек и в это беспокойное время заканчивают свои жизни от пуль, вылетевших из дул их собственных пистолетов.

— Яо, скажи, почему фейерверки и артиллерийские залпы так похожи по составу, но вызывают такие разные чувства?

— Ши, этот мир полон огня орудий, а фейерверк — это чудо.

— Как жаль. Встреча была такой прекрасной, а правда о ней оказалась такой тошнотворной.

— Стреляй. Прости, что мы не встретили друг друга в лучшее время.

Глядя на почти нежное выражение лица мужчины, девушка слегка дрожала. Сначала она держала пистолет одной рукой, но, приложив вторую, наконец справилась с дрожью. Она прицелилась ему в грудь, и на его одежде расцвёл алый цветок.

Следом за ним в луже крови упала и она. В эту эпоху молодые жизни гасли, подобно ярким вспышкам фейерверков в ночном небе, стремительно падая, как метеоры.

Пока Дазай Осаму читал книгу Цушимы Шуджи, обличающую ужасы войны через историю влюблённых, Чуя, глядя прямо в глаза Шуджи, не удержался и провёл рукой по его мягким чёрным волосам.

— Как тебя зовут? Я — Накахара Чуя.

Почувствовав, как рука невольно задерживается, Чуя осознал, что делает, и поспешно отстранился, смущённо добавив:

— А я? Меня зовут Цушима Шуджи. Приятно познакомиться официально.

Через Чую Цушима Шуджи смотрел на далёкое лазурное небо, а затем снова перевёл взгляд на его глаза. Глядя в искренний взгляд юноши, он подумал: Я ведь могу тебе доверять, Чуя?

— А обязательно писать книгу об этом побочном эффекте способности? — запинаясь, спросил Чуя, в голосе которого сквозило раздражение, смешанное с неловкостью.

Это помогло Цушиму Шуджи вернуться в реальность. Ах да, побочный эффект...

Цушима Шуджи вспомнил свой неприятный для мужчин-способников побочный эффект, уголок его рта дёрнулся, но под умоляющим взглядом Чуи он лишь подтвердил свои слова.

Хотя он и понимал, что эта основная личность не в курсе проделок второй, но это всё равно было связано с его способностью, и Чуе было нелегко сдержать гнев.

Всё произошло так внезапно, что Чуя впервые в жизни прогулял работу, чтобы отвести Цушиму Шуджи в их общежитие.

— Ты... — Чуя запнулся, глядя на Шуджи, который с надеждой смотрел на него. Его мысли всё ещё были в беспорядке, и он попытался подобрать слова.

— Прости, Чуя, я не знал, что ты до сих пор не догадывался...

Неважно, догадывался Чуя или нет, перед другом всегда лучше свалить вину на кого-то другого, и Дазай Осаму подходил для этого как нельзя лучше. Цушима Шуджи был уверен, что Чуя, обладая богатым воображением, сам себя убедит в этой версии. Дазай Осаму, читавший всё это в своём внутреннем мире, лишь недоумевал.

Между ними повисло молчание. Как бы Цушима Шуджи ни подбадривал себя внутри, он не мог найти тему для разговора.

Чуя, который в общении с Дазаем всегда играл роль того, кого постоянно донимают, тоже не знал, как общаться с Шуджи. Он хотел заговорить, но понял, что единственное, что их связывает — это его собственная способность.

— Слушай...

— Слушай...

Они начали одновременно, замолчали одновременно и уставились друг на друга.

— Ты говори первый...

— Нет, ты говори первый...

После того как они снова произнесли это в один голос, Цушима Шуджи выдохнул и, притворившись спокойным, сказал:

— Чуя, не забывай пить молоко.

— А?

Сказав это, Шуджи готов был биться головой об стену. Чёрт возьми, он ведь хотел сказать совсем не это! Что он там собирался произнести?

— Так это ты присылал молоко? — Чуя нашёл виновника, посмотрел на стопку пакетов в углу и с досадой поправил шляпу. Этот ритм разговора моментально убил весь его гнев. Но Шуджи, попав пальцем в небо, был не удовлетворён лишь короткой фразой Чуи.

— Чуя, как тебе вкус? Говорят, у этой марки новый, с ароматом сакуры. Хочешь попробовать?

Солнечный свет проникал через окно в не очень просторное общежитие. Крошечные пылинки танцевали в лучах, словно в весёлом хороводе.

Чуя, в помятом от спешки костюме, сидел за маленьким столиком. Он смотрел на Цушиму Шуджи, у которого было то же лицо, что и у Дазая, но совершенно иное выражение. Если Дазай Осаму был ночной фиалкой в темноте, то Цушима Шуджи напоминал корень лотоса в мутной воде.

Когда чёрное пальто было на Дазае, оно служило лишь фоном, подчёркивающим его ауру, которая легко достигала пика. На Шуджи же эта одежда казалась чёрной дырой, пытающейся утащить в ад того, кто ещё теплится слабой надеждой на этот мир. От него веяло негативом.

Видя, как его карие глаза бегают, когда он смотрит на него, опасаясь, что Чуя сейчас схватит его и начнёт бить, Чуя подавил в себе желание схватить его за воротник.

— Ты можешь вести себя со мной нормально? Чёрт, я в обычной жизни не такой уж жестокий, это всё из-за этой проклятой скумбрии, которая вечно напрашивается.

Услышав неловкие слова Чуи, карие глаза Шуджи внезапно ярко вспыхнули, и на его лице расцвела лучезарная улыбка:

— Чуя — хороший человек. Несмотря на то, что я тебе неприятен, ты всё равно меня утешаешь.

Цушима Шуджи, чьё умение читать людей в другом мире было прокачано до максимума, мысленно добавил ещё один слой фильтра на образ Чуи:

— Чуя, если не знаешь, как писать книгу, хочешь, я дам почитать свою? Может, найдёшь вдохновение.

Услышав ключевое слово книга, Чуя поднял голову и удивлённо посмотрел на Шуджи, который хвастался своим творением:

— Ты ещё и книги пишешь?

Столкнувшись с сомнением Чуи, Цушима Шуджи, как настоящий писатель, выпрямился и с гордостью ответил:

— Привет, меня зовут Цушима Шуджи, псевдоним Фейерверк. Моя текущая работа — Фейерверк. Моя мечта — получить премию Акутагавы.

— Премию Акутагавы?

<http://bllate.org/book/21039/2140391>